

Что такое «басма» золотоордынских пословъ хана Ахмата?

Вопросъ о загадочномъ предметѣ, «басмѣ», оплеванной, изломанной и потоптанной царемъ Иваномъ Васильевичемъ III, много разъ возбуждался изслѣдователями русской старины, но до сихъ поръ не получилъ еще вполне удовлетворительнаго рѣшенія. Объясненій было предложено много; нѣкоторыя изъ нихъ, по нашему мнѣнiю, близко подходятъ къ истинѣ, другія наоборотъ совершенно неосновательны.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору этихъ объясненiй, укажемъ на то, что слово «басма» употреблялось и употребляется въ русскомъ языкѣ въ двухъ значенiяхъ, одно изъ коихъ болѣе общее, а другое—именно то, о которомъ пойдетъ рѣчь ниже — специальное. По турецки **باسمه** басма значить: 1) однократное дѣйствiе давленiя, топтанiя, печатанiя, тисненiя; 2) оттискъ, отпечатокъ, тисненiе, печать; 3) выбоика, набойка; 4) то, по чему топчуть, ходять, напр. мостки, переходъ и т. п. Изъ трехъ первыхъ значенiй этого слова выработалось и обычное общее значенiе этого слова въ среднерусскомъ языкѣ, которое достаточно извѣстно и на которомъ мы останавливаться не будемъ, и ограничимся указаниемъ на стр. 46 Матерiаловъ для археологическаго словаря, помѣщенныхъ во второмъ выпускѣ четвертаго тома «Древностей, Трудовъ Московскаго Археологическаго Общества» за 1874 г. Напомнимъ только, что отъ него идутъ слова: «басемный, басманный, басменный, басмить» и т. д., хорошо извѣстныя всѣмъ русскимъ археологамъ и ориенталистамъ. А рiогi уже можно предположить, что и «басма» золотоордынскихъ пословъ, съ которою, по словамъ Казанскаго Лѣтописца, «Царь Ахмать..... посла къ великому князю Московскому послы своя, по старому обычаю отецъ своихъ, просити дани и оброки за прошлая лѣта»¹⁾, была какою то печатью, или оттискомъ чего-то, или вещью сработанною путемъ басмленiя, чѣмъ то басменнымъ и т. п. и все дѣло заключается въ томъ, чтобы ближе опредѣлить, что это былъ за предметъ. Болѣе точное указанiе мы находимъ въ словахъ той-же лѣтописи, непосредственно слѣдующихъ за приведенными.

«Великiй-же князь, ни мало убоися страха царева и, приимъ басму лица его и плевавъ на ню, низлома ея и на землю поверже, и потопта ногама своима и т. д.» Изъ этихъ словъ ясно видно, что «басма» была оттискомъ, отпечаткомъ *лица* ханскаго или печатью съ тисненнымъ ханскимъ

1) Каз. Лѣт. ст. 6. Ниже при цитатахъ: К. Л.

портретомъ. Таково буквальное значеніе словъ Казанскаго Лѣтописца. Однако надо замѣтить, что весь этотъ рассказъ заподозрѣвается такими историками, какъ С. М. Соловьевъ, со скептицизмомъ котораго разумѣется необходимо считаться ¹⁾. С. М. Соловьевъ относится скептически и къ рассказамъ Длугоша и др. объ унизительныхъ обрядахъ, которыми сопровождался приемъ ханскихъ пословъ на Москвѣ вообще и чтеніе ихъ грамотъ.

Мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что скептицизмъ С. М. Соловьева въ данномъ случаѣ неоснователенъ и можетъ быть объясненъ во-первыхъ недостаточною разработкою въ его время вопроса о Казанскомъ Лѣтописцѣ, а во-вторыхъ тою разобщенностью, которая до сихъ поръ къ сожалѣнію существуетъ между русскими изслѣдователями русской и западно-европейской исторіи и русскими ориенталистами.

Въ настоящее время Казанскій Лѣтописецъ не только превосходно изданъ въ XIX томѣ «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей», но и подвергся тщательному изслѣдованію со стороны Г. З. Кунцевича (Исторія о казанскомъ царствѣ или казанскій лѣтописецъ, С.-Петербургъ 1905). Первоначальная (недошедшая до насъ) редакція К. Л. относится г. Кунцевичемъ къ 1564—66 г. (стр. 176) и авторомъ ея является лицо родомъ по всей вѣроятности съ сѣвера Россіи. Уже взрослымъ авторъ К. Л. попалъ въ плѣнъ къ казанцамъ, въ которомъ пробылъ двадцать лѣтъ, принялъ тамъ мусульманство, былъ освобожденъ изъ плѣна и вторично крещенъ послѣ взятія Казани Иваномъ Грознымъ, т. е. въ 1552 г. (стр. 557—558). Авторъ несомнѣнно прекрасно зналъ по татарски, былъ знакомъ съ татарскими обычаями, вѣроученіемъ, преданіями, рассказами, толками о современныхъ событіяхъ и т. д. (стр. 509) «Не сомнѣваюсь», говоритъ г. Кунцевичъ на той-же 509 стр., «что спеціалистъ найдетъ со временемъ въ этой области больше, чѣмъ могу указать теперь я». Мы можемъ прибавить, что въ К. Л. встрѣчается довольно много татарскихъ словъ и терминовъ, причемъ всѣ они употребляются правильно. Такая характеристика автора К. Л. въ связи съ близостью времени его жизни къ времени сверженія татарскаго ига очень и очень поднимаетъ въ нашихъ глазахъ степень достовѣрности и точности сообщаемыхъ имъ рассказовъ. Правда на стр. 190 г. Кунцевичъ высказываетъ *предположеніе*, что глава К. Л., въ которой содержится упоминаніе о басмѣ, представляетъ собою позднѣйшее добавленіе, но во-первыхъ добавленіе это должно быть сдѣлано все въ томъ-же XVI вѣкѣ, такъ какъ находится уже въ спискахъ XVII вѣка, а во-вто-

1) Исторія Россіи, изд. товарищества «Общественная Польза» кн. I, стр. 1425—1426.

рыхъ г. Кунцевичъ видитъ подтвержденіе своего предположенія въ не-точномъ, по его мнѣнію, выраженіи лѣтописца о басмѣ. «Какъ могъ чело-вѣкъ, жившій 20 лѣтъ въ плѣну, знавшій татарскій языкъ — не знать, что изображенія людей запрещены у магометанъ-татаръ?» спрашиваетъ г. Кунцевичъ на стр. 216 своего изслѣдованія. Какъ могъ г. Кунце-вичъ, спросимъ мы въ свою очередь, не знать, что еще въ 1876 году извѣстный знатокъ мусульманскаго искусства и матеріальной культуры І. Карабадекъ читалъ въ Нюрнбергѣ рефератъ подъ заглавіемъ «Das angebliche Bilder-*verbot* des Islam»? Въ этой рѣчи г. Карабадекъ выяснилъ, что изъ корана можно, если не прибѣгать къ хитросплетеніямъ, вывести *только* запрещеніе *изображеній Бога*, что невошедшія въ коранъ изреченія (хадисы) Мухаммеда, въ которыхъ содержатся ясныя запрещенія изобра-жать животныхъ и людей, не только подложны съ нашей европейской точки зрѣнія, но считаются спорными и у богослововъ мусульманскихъ и наконецъ, что всего важнѣе, что запрещеніе изображать живыя существа, дѣйствительно распространившееся благодаря позднѣйшимъ толкованіямъ корана и хадисовъ въ части мусульманскаго міра, фактически постоянно нарушалось. Такъ напр. халифъ аль-Мутаваккиль въ 855 г. велѣлъ вы-бить медали (Denkmünzen) съ собственнымъ своимъ изображеніемъ въ сасанидскомъ костюмѣ, завоеватель Константинополя, султанъ Мухаммедъ II, снималъ съ себя портреты и т. д. и т. д. (стр. 4, 5, 6 и 10—11 означен-наго реферата). Такимъ образомъ съ точки зрѣнія историка мусульманской культуры нѣтъ ничего невозможнаго въ употребленіи золотоордынскими ханами какихъ-нибудь своихъ изображеній, печатей со своими портретами и т. п. Что касается обрядовъ, съ которыми князья московскіе должны были встрѣчать татарскихъ пословъ, и о которыхъ подробно говоритъ Длу-гошъ (Кунцевичъ І. с. 214), то съ точки зрѣнія монголиста и турколога въ нихъ нѣтъ ничего невѣроятнаго и даже, смѣемъ сказать, не было ничего особенно унижительнаго съ турко-монгольской точки зрѣнія. Князь *стоя* подавалъ кубокъ съ кумысомъ послу, сидѣвшему верхомъ. Ибн-Батута рассказываетъ, что пиръ у Узбека, на которомъ онъ присутствовалъ, от-крылся тѣмъ, что его дочь, *стоя на колыняхъ*, поднесла хану чашку съ кумысомъ, затѣмъ угостила его женъ; послѣ этого наследникъ престола въ почтительной позѣ поднесъ хану чашку съ кумысомъ, затѣмъ поднесъ ку-мысъ женамъ своего отца и затѣмъ своей сестрѣ и т. д. (II 408). Когда мнѣ случалось ѣздить верхомъ въ киргизскомъ краѣ, то нерѣдко бывало, что я и мои спутники останавливались у шатра даже совершенно незнако-мыхъ людей, которые выносили намъ чашки съ кумысомъ, и мы выпивали ихъ, не сходя съ лошадей, и при томъ всѣ смотрѣли на это, какъ на актъ

простого гостеприимства, которымъ никто не считалъ себя ни особенно почтеннымъ, ни униженнымъ ¹⁾). Даже подробность, передаваемая Длугошемъ, что князь слизывалъ съ гривы лошади посла падавшія на нее капли кумыса ²⁾, сводится къ извѣстному обычаю киргизовъ давать лицу, которому желаютъ оказать вниманіе и почетъ, остатки своего кушанья или питья; кто отъ этого отказывается, оскорбляетъ угощающаго. Такой, конечно съ нашей точки зрѣнія сомнительный, «почетъ» оказываетъ еще и теперь киргизскій «бай» (хозяинъ, богатѣй) *optima fide* своимъ гостямъ даже изъ русскихъ. Еще болѣе понятнымъ является подстиланіе соболинаго мѣха подъ ноги посла, читающаго грамоту, и слушаніе самой грамоты на когѣняхъ. Все это съ восточной точки зрѣнія дѣло очень обыкновенное, вовсе не унижительное, но конечно указывающее на подчиненіе, покорность. Что всякіе, даже слабые, знаки покорности были неприятны Ивану III и особенно его супругѣ, это конечно совершенно вѣрно и понятно, а потому неудивительно, что Иванъ III, обыкновенно вовсе не выходившій къ посламъ Орды, вспылывалъ и изломалъ «басму», когда послы пришли «дерзостно» ³⁾.

Извиняемся за это, быть можетъ не необходимое, отступленіе и переходимъ опять къ «басмѣ». Изъ всѣхъ писавшихъ о ней только двое, архимандритъ Леонидъ и польскій историкъ Нарбуттъ отрицали то, что это было какое-то изображеніе лица хана или самого хана. Архимандритъ Леонидъ издалъ въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества» т. X вып. 3—6, стр. 269—274 два любопытныхъ памятника: ярлыкъ Ахмата-царя и шертная грамота Нагайскаго князя Измаила съ товарищи. Оба памятника сохранились въ русскомъ переводѣ въ сборникѣ Московской Синодальной Библіотеки XVII вѣка № 272. Архимандритъ Леонидъ относитъ грамоту Ахмата-царя ко Ивану къ 1476 г., хотя въ самой грамотѣ даты нѣтъ, что заставляетъ насъ думать, что она не дошла до насъ въ цѣльномъ видѣ. Сравненіе этого ярлыка съ другими какъ подлинными, такъ и дошедшими только въ переводѣ, самое содержаніе ярлыка съ указаніями на историческія событія и на нѣкоторыхъ историческихъ лицъ,

1) Съ угощеніемъ кумысомъ вообще у древнихъ русскихъ выходили постоянно недоразумѣнія: русскимъ кумысъ видимо не нравился, и они считали угощеніе имъ неприятностью и позоромъ; татары наоборотъ *bona fide* хотѣли оказать этимъ почетъ. Предразсудокъ относительно кумыса и теперь еще не исчезъ. Одинъ недавно умершій самарскій докторъ, какъ мнѣ передавали, изъ «либерализма» отрицалъ цѣлебное значеніе кумыса, называя его въ печати «татарскимъ пойломъ».

2) Вспомнимъ киргизскую поговорку: «Отъ богача пристанетъ, отъ богача (хоть) капнетъ» т. е. что нибудь да получишь, Зап. Вост. Отд. т. VII стр. 42, № 24.

3) Думаемъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приемъ пословъ зависѣлъ отчасти и отъ личностей князя и посла, отъ тогдашняго положенія Москвы и Золотой Орды и т. п., но въ общемъ ритуалъ, описываемый Длугошемъ, весьма правдоподобенъ.

слогъ и языкъ грамоты, — все заставляетъ думать о возможности подлинности этой грамоты въ той-же мѣрѣ, въ какой признаны подлинными ярлыки, дававшіеся нашему духовенству ханами Золотой Орды. Подробный анализъ этой грамоты, особенно со стороны языка, завлекъ бы насъ теперь слишкомъ далеко; пока мы ограничимся разборомъ объясненія «басмы», даваемого арх. Леонидомъ. Послѣ требованія дани въ этой грамотѣ содержатся слова: «а на себѣ бы еси носилъ Батыево знаменіе у колпака верхъ вогнувъ ходилъ, занежъ вы блужные просяники»¹⁾ и дагѣ «а на себѣ не учнешъ Батыево знаменіе носить» и т. д. Арх. Леонидъ толкуеть, что ханское знаменіе, т. е. ханскій ярлыкъ съ симъ знаменіемъ и есть басма (стр. 272); на стр. 273 онъ говоритъ, что «Батыево знаменіе» состояло въ томъ, что наши князья и бояре должны были въ знакъ зависимости отъ хановъ Золотой Орды носить постоянно или только въ присутствіи татаръ свои колпаки или шапки съ выгнутымъ внутрь верхомъ. Таково можетъ быть значеніе вышеприведенныхъ словъ ярлыка, но при чемъ тутъ «басма», мы, признаемся, не понимаемъ. «Батыево знаменіе» по татарски ни коимъ образомъ не могло бы быть передано словами *бату басмасы* *باتو باصهسى*, а всего вѣроятнѣе *бату бѣлгисі* или какимъ нибудь турецкимъ словомъ отъ корня *بل bil*, или отъ арабскаго *علم (علامة)* и т. п.). Намъ думается, что колпаки съ вогнутымъ верхомъ, которые Ахмать рекомендуетъ носить русскимъ, суть не что иное какъ знаменитые головные уборы съ плоскимъ четырехугольнымъ верхомъ ордынскихъ «улановъ» (*اوغلان*), откуда пошли и наши уланскіе кивера²⁾. Какъ бы то ни было, но «басма» тутъ совершенно не при чемъ.

Особнякомъ стоитъ также объясненіе польскаго историка Нарбутта, на которое, по словамъ С. Максимова³⁾, указывалъ гдѣ-то Д. И. Иловайскій.

Ссылка С. Максимова, къ сожалѣнію глухая, доставила намъ немало хлопотъ, но наконецъ благодаря любезному содѣйствію К. В. Хилинскаго, которому мы и приносимъ нашу глубокую благодарность, удалось выяснитъ, чтъ Нарбуттъ даетъ свое объясненіе басмы въ своемъ трудѣ: *Dzieje narodu Litewskiego, przez Teodora Narbutta, t. 8, Wilno 1840, Dodatki,*

1) «Блужный» вѣроятно въ значеніи «сбившійся съ пути истиннаго» по татарски стояло вѣроятно *آداشقان адашкан*. «Просяникъ» — недоразумѣніе переводчика; въ текстѣ вѣроятно стояло *تار بېغی* что значитъ и «воздѣлывающій просо» и вообще «землепашецъ, пахарь».

2) Сначала «уланъ» появились въ Польшѣ, потомъ въ Австріи, Пруссіи и наконецъ въ Россіи.

3) «Крылатая слова» изд. второе, 1899, стр. 387—388.

str. 45—46 «O Basmie». Нарбуттъ говоритъ, что какой то любитель старины, знакомый съ письменностью литовскихъ татаръ, нашелъ въ одной ихъ рукописи, написанной арабскими буквами на татарскомъ языкѣ съ примѣсью славянскаго, а именно литовско-русскаго діалекта, слѣдующее объясненіе ¹⁾: «Ханская басма была не что иное, какъ деревянный ларчикъ, двѣнадцать дюймовъ въ длину и пяти въ ширину, наполненный растопленнымъ воскомъ, который окрашивался въ тотъ или другой цвѣтъ, смотря по желанію хана. На этой восковой массѣ, пока не совсѣмъ застывшей, отгискивалась ханская стопа прямо давленіемъ босой ноги. На такой отгискъ клалась подушечка, считая изъ дорогой матеріи и набитая пропитанною запахомъ мускуса хлопчатую бумагою. Ларчикъ закрывался высокою крышкою и заворачивался въ шелковую матерію, затканную золотомъ и серебромъ. Для пути его вкладывали въ кожаный мѣшокъ, который вьючили на богато убраннаго и покрытаго пурпуровою попоною верблюда. Этого верблюда велъ особо для того назначенный чиновникъ, а для стражи и почета его окружали двѣнадцать ханскихъ знаменосцевъ или улановъ». Источникъ свой Нарбуттъ называетъ такъ неопредѣленно, что невольно возникаетъ сомнѣніе даже въ его существованіи, хотя, правда, въ теперешнихъ волынской, виленской и ковенской губерніяхъ живутъ и до сей поры выходцы изъ Крыма, такъ называемые «литовскіе татары», въ настоящее время утратившіе свой національный языкъ, и караймы, еще сохранившіе, благодаря турецкимъ переводамъ Библіи, извѣстное знаніе турецкаго языка. Ихъ народная литература ограничивается однако кое-какими разсказами, сказками и пѣснями. Письменность у нихъ носитъ религіозный характеръ; это — переводы Библіи, молитвенники и т. п. У литовскихъ татаръ имѣются старые арабскіе кораны, но рукописей историческаго характера, насколько намъ извѣстно, у нихъ нѣтъ. Караймы-же пользуются въ своей письменности еврейскимъ алфавитомъ. Такимъ образомъ источникъ, на которой такъ глухо ссылается Нарбуттъ, представляется намъ въ высшей степени сомнительнымъ.

Кромѣ того намъ нигдѣ ни въ западныхъ, ни въ русскихъ, ни въ восточныхъ источникахъ не приходилось читать о томъ, чтобы послы какихъ бы то ни было турецкихъ хановъ или султановъ возили съ собою отпечатки на воскѣ ханскихъ ногъ. Существуетъ, правда, преданіе о томъ, что такъ называемая طوغره тугра (откуда «тавро»), монограмма изъ султанскаго титула, возникла изъ отгиска руки султана; турки употребляютъ, какъ и русскіе, выраженія قول صالح кол салмак = «руку приложить» въ значеніи

1) Мы пользуемся переводомъ Д. И. Иловайскаго, помѣщеннымъ у С. Максимова.

«подписаться» подъ документомъ и т. п., но о какомъ либо «ногоприкладствѣ» намъ никогда ни приходилось слышать. Далѣе, если бы «басма» была отгискомъ ноги, то въ К. Л. конечно было бы сказано «примѣ басму ноги (стопы, подошвы) его», а не «лица».

Что дѣло шло о какомъ то изображеніи не то лица, не то всей фигуры хана, привозимомъ съ собою татарскими послами, явствуетъ еще изъ многихъ историческихъ преданій, частью сохранившихся до нашихъ дней и собранныхъ гр. Уваровымъ въ его объясненіи слова «басма» (Древности Моск. Археолог. Общ. т. II, вып. I. 1869 г. Матеріалы для Археологич. Словаря, стр. 3). Такъ дорога, по которой прѣзжали ханскіе послы въ Москву, называлась «Болванской»; на мѣстѣ, гдѣ по преданію происходила встрѣча пословъ, построена была въ Москвѣ церковь, слывущая донинѣ Спасомъ на Болвановкѣ (по близости находятся улицы: Татарская и Ордынка). По словарю Даля въ губерніяхъ владимірской, костромской и нижегородской «басма» есть бранное слово со значеніемъ «надолба, идолъ, болванъ, дуракъ, негодяй». Басму-же В. И. Даль объясняетъ такъ: «поличье ордынскихъ хановъ, грамота съ ихъ печатью». Многие изслѣдователи, опираясь на эти факты, хотѣли совершенно отождествить басму съ болваномъ и понимали ее, какъ какое-то скульптурное изображеніе хана, вродѣ куклы или статуи. Такого мнѣнія держался Н. М. Карамзинъ (Исторія Госуд. Росс. т. VI, прим. 208), повидимому Д. И. Иловайскій (Исторія Россіи т. II, стр. 467), который впрочемъ говоритъ глухо о «ханскомъ изображеніи», Ѡ. Е. Коршъ (Изв. Отд. русск. яз. и словеса. т. VIII, кн. 4, стр. 3) и многие другіе, такъ что, если мы не ошибаемся, это объясненіе въ настоящее время наиболѣе популярно, хотя категорически было отвергнуто гр. Уваровымъ, говорившимъ, что «басма» былъ ханскій портретъ (I. с., стр. 4)¹⁾. Однако и оно не вполнѣ правильно. Правда, на вопросъ, могли-ли вообще въ Золотой Ордѣ быть въ употребленіи изображенія хановъ, мы можемъ смѣло отвѣчать утвердительно. Выше было уже указано, что мусульманство золотоордынцевъ не можетъ считаться этому серьезнымъ препятствіемъ. Къ тому-же они были очень плохими мусульманами вообще. Правда уже Берке принялъ исламъ и покровительствовалъ ему, но послѣ его смерти произошла реакція противъ ислама, о которой говорятъ аз-Захаби (+ 1348—1349 по Р. Х.) и Ибн-Кесиръ (Тиз. 206 и 277).

1) Утвержденіе гр. Уварова (*ibidem*), что китайскіе императоры посылали монгольскимъ народамъ свои портреты, взятое изъ Энциклопедическаго Лексикона, фактически просто невярно. Послы получали такъ называемыя «пайцзы», на которыхъ никакихъ портретовъ не было.

По Нувейри Узбекъ (1312—1340 г.) хвастался передъ египетскимъ султаномъ своей ревностью въ распространеніи ислама (Тиз. 163), но его предшественникъ, по словамъ аль-Бирзали (Тиз. 174), былъ невѣрнымъ, поклонялся идоламъ, былъ вѣротерпимъ и только богѣ другихъ уважалъ мусульманъ. Однако и при дворѣ якобы ревностнаго мусульманина Узбека царили порядки, не даромъ удивлявшіе Ибн-Батуту. Женщины ходятъ безъ покрывала и принимаютъ участіе въ приемахъ и пирахъ ¹⁾ (Ibn-Batoutah II, p. 378, 383—384, 408 и др.); монголы пьютъ изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, что, какъ извѣстно, прямо воспрещено въ коранѣ (ibid. 408); Узбекъ прибываетъ на торжественную праздничную молитву, съ трудомъ держась на ногахъ отъ опьяненія (ibid. 410). Въ частности по интересующему насъ вопросу Ибн-Батута сообщаетъ, что видѣлъ въ кипчацкой степи близъ Керчи изображеніе на стѣнѣ одной церкви араба въ чалмѣ, опоясаннаго мечемъ и держащаго въ рукѣ копье; передъ нимъ была нарисована лампа. Ибн-Батутѣ объяснили, что это — изображеніе пророка Али.

Уже Barthélemy (Dissertation sur les médailles arabes p. 572, помѣщена въ Mémoires de littérature tirés des registres de l'Académie Royale des inscriptions, tome XXVI, 1759 г.) пришелъ къ заключенію, что инородческія (не чисто-арабскія) мусульманскія династіи (атабеки, ортокиды, сельджукиды) были въ отношеніи къ запрету изображенія человѣческихъ лицъ и фигуръ плохими мусульманами, допуская такія изображенія на своихъ монетахъ (XII и XIII в. нашей эры). Теперь количество такихъ монетъ значительно увеличилось. Онѣ описаны и отчасти изображены на фототипическихкихъ таблицахъ Исмаилъ Галибомъ въ его каталогѣ султанскаго музея въ Константинополѣ (— *موزة هيايون مسكوكات تركياتيه قتالوغى*) (авторъ: *اسماعيل غالب*). Мы обращаемъ особенное вниманіе на слѣдующіе №№: таблица IV, № 95, 1230 г. по Р. Х. ортукидская монета; № 101, 1239—1240 г. мѣдная монета изъ Мардина; таблица V, № 130 изъ Мосуля 1179—1180 г., таблица VI, № 139, 1229—1230 г. изъ Мосуля; таблица VIII, № 188 изъ Мосуля 1180—1181 и № 196. Древніе турки шаманисты (ту-гю), которые оставили намъ драгоцѣнные орхонскіе памятники съ надписями VII и VIII вѣковъ, занимались ваяніемъ статуй

1) Вообще женщины пользовались въ Золотой Ордѣ большою свободою, почетомъ и даже прямымъ вліяніемъ на политическія дѣла (Тиз. 229 и др.). Такимъ образомъ затворничество и приниженность женщинъ не могли быть заимствованы русскими у татаръ, какъ татарскій обычай, о чемъ такъ много до сихъ поръ и говорятъ, и пишутъ. Иное дѣло если русскіе первоначально запирали своихъ женъ, желая этимъ защитить ихъ отъ насилія или похищенія со стороны ордынскихъ посланцовъ, — это конечно возможно.

изъ камня, изображавшихъ хановъ, ихъ женъ, враговъ, перебитыхъ ихъ національными героями и т. п. По крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ этихъ статуй носили названіе «балбаловъ», откуда, по моему мнѣнію, идетъ и русское слово «болванъ» (идолъ). Въ районѣ, занимавшемся Золотой Ордой, не такъ давно были найдены буддйскія и джайнскія статуетки, напр. въ Самарской губ. и въ Уральской области. Мы конечно не знаемъ, для чего онѣ употреблялись монголами, но во всякомъ случаѣ самая наличность ихъ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи фанатической вражды къ статуямъ у золотоордынцевъ. Не забудемъ о христіанствѣ съ его иконами, также довольно распространенномъ въ Золотой Ордѣ. Такимъ образомъ почва для того, чтобы пластическое искусство въ томъ или другомъ видѣ удержалось въ Золотой Ордѣ, несмотря на исламъ, была необыкновенно благопріятна. Въ разсказѣ о мученической смерти Михаила Черниговскаго Лаврентьевская лѣтопись прямо говоритъ объ идолахъ (болванахъ) татарскихъ, которымъ отказался поклониться Михаилъ Черниговскій. Плано Карпини-же разсказываетъ, что Михаила заставили кланяться какому-то «образу» Чингизъ хана. Е. Голубинскій (Исторія русской церкви, періодъ II, томъ II, первая половина тома, Москва 1900, стр. 42—46) по моему мнѣнію прекрасно освѣтилъ всю исторію Михаила Черниговскаго. Дѣло въ томъ, что онъ уже въ 1239 г. перебилъ ордынскихъ пословъ, и за это казнь его была предрѣшена въ ордѣ. Требованіе поклониться «образу» Чингизъ хана носило, вообще говоря, болѣе *политическій* характеръ, но татары, желая въ *данномъ случаѣ* имѣть предлогъ для казни Михаила, *нарочно* подчеркнули *религіозную* сторону этого обряда. Почитаніе-же «образа» Чингизъ хана у татаръ вполне правдоподобно и стоитъ въ связи съ культомъ душъ умершихъ предковъ у шаманистовъ; у современныхъ плохихъ мусульманъ-киргизовъ эти души называются «аруакъ» (арабск. ارواح). Тѣмъ не менѣе мы отвергаемъ мысль о томъ, что татарскіе послы возили съ собою портреты или статуи хановъ, такъ какъ ни о чемъ такомъ не говорятъ прямо ни наши, ни европейскіе, ни восточные источники¹⁾. Кромѣ того, если бы это была статуя хана, то могъ-ли Иванъ III изломать ее руками и растоптать? Ни съ металлической, ни съ каменной, ни даже съ деревянной статуей этого не сдѣлаешь!.... Если-же это былъ портретъ, то опять-таки портретъ не *ломаютъ*, а *рвутъ*

1) [К. А. Иностранцевъ обратилъ вниманіе редактора на слѣдующее интересное мѣсто Флетчера (О государствѣ Русскомъ. СПб. 1905, стр. 79): «У нихъ (т. е. Татаръ Крымскихъ) есть изображеніе ихъ Государя или Великаго (Хана), въ огромномъ размѣрѣ, которое они выставляютъ въ походахъ на каждой стоянкѣ и передъ которымъ должны преклоняться каждый, мимо его проходящій, будь онъ (Татаринъ) или иностранецъ». *Прим. ред.*].

или рѣжутъ.... И такъ что-же такое была басма? По всѣмъ даннымъ это была булла, т. е. особаго рода печать съ изображеніемъ ханскаго лица или можетъ быть всей фигуры хана. Чтобы ясно представить себѣ, что это была за печать, необходимо немного остановиться на технику писанія, упаковки и пересылки грамотъ у чингизидовъ и у современныхъ имъ султановъ и монарховъ Востока и Запада, съ которыми они были въ сношеніяхъ въ XIII—XV вѣкахъ. Грамоты писались на листахъ бумаги, величина которыхъ соразмѣрялась съ достоинствомъ тѣхъ лицъ, между которыми велась переписка. Могушественнымъ монархамъ и даже сильнымъ вассаламъ писали иногда на огромныхъ листахъ, напр. Тимуръ написалъ одному египетскому султану грамоту въ 70 локтей длины ¹⁾. На верху въ видѣ заголовка выводилась обыкновенно золотомъ, или кинварью «тугра» (طوغرا (طغرا), т. е. монограмма изъ имени и титула хана или султана съ присоединеніемъ какой-нибудь благожелательной формулы.

Затѣмъ слѣдовалъ текстъ грамоты (ярлык'а), причемъ на первой строчкѣ оставлялось пустое мѣсто для печати справа, на второй строчкѣ—слѣва и т. д. На этихъ мѣстахъ выдавливались также часто золотомъ или кинварью печати, носившія названіе «тамга ²⁾». Печати назывались также نشان нішан и مهر муhr или «муhur» ³⁾. Затѣмъ грамота свертывалась и укладывалась въ особый ящикъ или футляръ ⁴⁾, который обвязывался особымъ шнуромъ и концы этого шнура скрѣплены другъ съ другомъ особою печатью, въ видѣ шара или диска, которая на Западѣ и въ Византіи носила названіе буллы. Византійскія императорскія свинцовыя и золотыя буллы сохранились въ большомъ числѣ; на одной сторонѣ ихъ *обычно* были отпечатуны голова, бюстъ, поясной или полный портретъ императора и императрицы (G. Schlumberger, Sigillographie de l'Empire Byzantin, p. 417—418 sq.). Извѣстно, что буллы эти дѣлались изъ воска, преимущественно краснаго цвѣта, но по понятнымъ причинамъ онѣ не сохранились ⁵⁾. Культурное вліяніе Византіи на Золотую Орду и на Египетъ, съ которымъ она была въ постоянныхъ сношеніяхъ, стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Уже знаменитый Ногай женился въ 1270—1271 г. на побочной дочери Михаила Палеолога Евфро-

1) Reinaud, Monumens arabes, persans et turcs du cabinet.... de Blacas, tome I, p. 103—104. О туграхъ и печатяхъ см. тамъ-же, стр. 108 по 112.

2) Отсюда конечно «таможня, таможить, протажить» и т. д.

3) Тиз. стр. 248—249, 340—344 извѣстія аль-Омари и аль-Мухибби.

4) Тиз. 408, прим. 1.

5) На Востокѣ и самыя печати обыкновенно уничтожались сейчасъ-же послѣ смерти ихъ августѣйшихъ владѣльцевъ. Въ Персіи во времена Шардэна печати въ этихъ случаяхъ передѣлывались, Reinaud, l. c., I, 130—131.

сини (или Иринѣ? ¹). Третья законная жена Узбека (1312—1340 г.) была дочерью императора Андроника III. По описанію Ибн-Батуты при ней состоялъ особый огромный штатъ, въ которомъ было много грековъ и гречанокъ. Египетскій султанъ принималъ въ 1313 г. пословъ Узбека одновременно съ послами Ласкариса (т. е. византійскими) и послами владѣтеля Мардинскаго (Нувейри по Тиз. 166—167). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и въ способѣ писанія, пересылки и врученія грамоты и въ ритуалѣ приема пословъ между всѣми этими дворами было много общаго и замѣчалось сильное взаимное влияніе. Reinaud говоритъ (*Monumens arabes*, — de Blacas, I, 112), что буллы были въ употребленіи у сельджукидовъ. Къ сожалѣнію неизвѣстно, оттискивались-ли на нихъ головы и бюсты или только «туфры» султановъ ²). Извѣстно также, что золотыя буллы употреблялись и константинопольскими султанами еще въ XVI вѣкѣ. Въ настоящее время, по словамъ Reinaud, для буллъ употребляютъ исключительно красный воскъ. Письма султановъ, великихъ везировъ и главныхъ сановниковъ вкладываются въ парчевыя мѣшки и каждый мѣшокъ снабжается отдѣльною буллою.

По словамъ G. Schlumberger (р. 13) византійскія печати достигали 6 сантиметровъ въ діаметрѣ. Можно думать, что золотоордынскія бывали значительно больше. Дѣло въ томъ, что въ исторіи турецкихъ заимствованій и подражаній въ разныхъ областяхъ культуры и литературы наблюдается нерѣдко тенденція къ преувеличенію, утрировкѣ. Это общее впечатлѣніе, подробное обоснованіе котораго завлекло-бы насъ слишкомъ далеко, но уже Reinaud (l. c. I, 103) отмѣтилъ, что форматъ турецкихъ грамотъ вообще больше, что длина писемъ, посылаемыхъ султаномъ и великимъ везиромъ французскимъ королямъ иногда превышаетъ семь футовъ, тогда какъ грамоты персидскихъ шаховъ Людовику XIV достигаютъ всего только трехъ. Хулагиды посылали грамоты Филиппу Красивому длиною въ девять футовъ. Несомнѣнно, что чѣмъ больше размѣры грамоты, тѣмъ больше и футляръ, тѣмъ больше булла. Намъ думается, что золотоордынскія буллы-басмы вполне могли доходить до 12-и и даже 15-и сантиметровъ въ діаметрѣ, а можетъ быть и еще больше. Если на нихъ оттискивались лица или даже цѣлыя фигуры хановъ вродѣ напр. изображенныхъ въ каталогѣ монетъ Исмаила Галиба табл. IV, № 101, табл. V, № 130, табл. VI № 139 и т. п., то легко понять, что русскіе могли называть эти изображе-

1) А. К. Марковъ, О монетахъ хана Ногай отд. отт. стр. 4 (Труды Московскаго Нумизмат. Общ. т. III).

2) Ничего не даетъ по этому вопросу и рассказъ о царствованіи *فيث الدين* а у Ибн-Биби, M. Th. Houtsma, *Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure* IV texte persan r.v—го..

нія «болванами» хана ¹⁾. «Басма» принималась, а затѣмъ ломалась или удалялась конечно съ различными церемоніями, поклонами, лобызаніемъ или треніемъ лица принимавшаго о «басму лица ханскаго». Намъ кажется, что при нашемъ объясненіи вполне понятны и примиримы всѣ тѣ данныя, извѣстія и преданія, которыя мы имѣемъ о басмѣ.

Далѣе, конечно, весьма возможно, что по аналогіи со словомъ «булла» и слово «басма» употреблялось въ значеніи не только печати, но и самой грамоты. Такимъ образомъ въ заключеніе воздадимъ должное геніальной провицательности Ломоносова, который сдѣлалъ въ «Краткомъ Россійскомъ лѣтописцѣ» такое примѣчаніе къ слову «басма» — «Повелительная грамота съ изображеніемъ Царевымъ на печати». (Краткой Россійской лѣтописецъ съ родословіемъ. С.-П. Б. 1760, стр. 26).

Платонъ Меліоранскій.

Апрѣль 1906 г.

Бъ исторіи арабскихъ завоеваній въ Средней Азій.

Извѣстія объ арабскихъ завоеваніяхъ въ восточной части Ирана и въ Средней Азій извлечены у Табари почти исключительно изъ трудовъ Абу-л-Хасана Али ибнъ Мухаммеда ал-Мадаини, умершаго въ 215 или 225 г.г. ²⁾. О событіяхъ I в. х. Мадаини, конечно, могъ писать только какъ компиляторъ; при этомъ онъ, въ отличіе отъ Абу-Михнафа и нѣкоторыхъ другихъ изъ раннихъ арабскихъ авторовъ, обыкновенно не приводитъ извѣстій каждаго источника въ отдѣльности, но составляетъ сводный рассказъ ³⁾ по нѣсколькимъ источникамъ, перечисленнымъ въ началѣ разсказа, безъ указанія, какая часть разсказа принадлежитъ каждому изъ нихъ. Авторы, которыми пользовался Мадаини, большею частью сами были отдѣлены отъ событій значительнымъ промежуткомъ времени; первымъ звеномъ въ цѣпи передатчиковъ преданія обыкновенно является какой-нибудь анонимный

1) Считаю нужнымъ подчеркнуть, что восточные источники не говорятъ о болванахъ. К. Л. говоритъ только о «басмѣ лица ханскаго».

2) Обѣ даты приведены въ «Фихристѣ» ан-Недима (р. 100,27—30).

3) Ср. у Табари II, 1227,14: *كَلَّ قَدْ ذَكَرَ شَيْئاً فَالْفَتْهُ وَالخَلَّتْ مِنْ حَدِيثِ بَعْضِهِمْ*; وفي خبر: II, 1308,8: *وقَدْ ذَكَرَ بَعْضُهُمْ مَا لَمْ يَذْكَرْ بَعْضُ فَالْفَتْهُ*; II, 1287,2: *في حَدِيثِ بَعْضِ بَعْضِهِمْ مَا لَيْسَ فِي خَبَرِ بَعْضِ فَالْفَتْ ذَلِكَ*.